

Ю. Г. ИНДЖИКЯН

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОТСТАВАНИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Проблема экономического отставания и особенностей социально-экономического развития Османской империи стала предметом серьезного изучения со стороны социологов, историков и экономистов многих стран, в частности Турции. За последние десятилетия турецкими авторами написан целый ряд работ, посвященных указанным вопросам. Правильное раскрытие этой большой и важной проблемы дало бы возможность осветить многие страницы исторического прошлого, а также внутренней и внешней политики современной Турции. Видимо, подобное стремление и привело к изданию таких оригинальных работ, какими являются книга турецкого марксиста Халиса Окана о развитии капитализма в Турции, вышедшей в Софии на болгарском языке¹, а также труды передовых турецких авторов²: одного из лидеров рабочей партии Турции — Бехидже Борана «Турция и проблемы социализма», ученого и журналиста Й. Сертеля о прогрессивных общественных течениях и проблемах развития Турции; публициста и социолога Догана Авджиоглу об общественном строе Турции; М. Сенджера об общественном строе Османской империи; И. Джема о причинах экономической отсталости Турции; К. Фишека о развитии капитализма и рабочего класса; Х. Озгена об экономических проблемах Турции; О. Сенджера об исторической эволюции обществен-

¹ Х. Окан. Развитие на капитализма в Турция, София, 1961.

² В. Boran, Türkiye ve Sosyalizm sorunları, İstanbul, 1968; Y. Sertel, Türkiye' de ilerici akımlar ve kalkınma davamız, İst. 1968; D. Avcioğlu, Türkiye'nin Düzeni /Dün, Bugün, Yarın/, cilt 1—2, Ankara, 1969; M. Sencer, Osmanlı toplum yapısı, İst. 1969; İ. Cem, Türkiye' de geri kalmışlığın tarihi, İst., 1971; K. Fisek, Türkiye' de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı, Ankara, 1969; H. Ozgen, Ekonomik sorunlarımız, Ankara, 1969; Oya Sencer, Türk toplumunun tarihsel evrimi, İst. 1969.

ного строя и других авторов. Не меньший интерес представляют работы, освещающие отдельные стороны проблемы: такне, как книга Х. Авни «История превращения в полуколонию»³, К. Булутглу «Турецкая налоговая система»⁴, И. Хюсрева «Экономика турецкого села»⁵, С. Аксоя «Земельный вопрос в Турции»⁶ и т. д. М. Н. Тодорова выделяет две вехи в турецкой историографии по данной проблеме. В период первой мировой войны все вопросы составлялись в духе старой традиционной трактовки. Но уже в 60-е годы нашего столетия новое поколение исследователей, по ее мнению, отличается «более глубоким историческим подходом»⁷. В указанных и аналогичных работах, в самом деле, предпринимаются попытки обобщить закономерности развития «османского общества». Однако исходные позиции авторов порою не четки, а выводы часто не соответствуют реальной действительности и страдают односторонностью. Изучение сложнейших вопросов общественно-экономического развития Османской империи сводится к тому тезису, что «азиатский способ производства» и государственная собственность на землю создавали особые условия, мешавшие, по утверждению турецких авторов, разложению «нефеодального» строя и возникновению капитализма. «Наши историки, изучающие структуру османского общества, — пишет М. Сенджер, — не только не стремились приобщить ее к определенному общему типу, а наоборот, были вынуждены показать особенности, отделяющие ее от общих типов»⁸. Признавая факт зарождения и развития капиталистических отношений, многие турецкие авторы темпы и уровень развития считают зависящими не от факторов внутреннего порядка, а результатом привнесения элементов капитализма в Турцию извне. Вместе с тем, различные авторы по-разному оценивают роль и значение внешнего фактора в истории Османской империи и республиканской Турции. Чаще всего они отождествляют процесс капитализации с понятием «европеизации» или «вестернизации». Типичны в этом отношении названия работ Т. З. Туная «Движение вестернизации в политической жизни Турции»⁹ или Э. З. Карал — «Движение вестернизации перед танзиматом»¹⁰ и т. д.

³ H. Avni. Bir yarım müstemleke oluş tarihi, İstanbul. 1932.

⁴ K. Bulutoglu. Türk vergi sistemi, İstanbul. 1967.

⁵ I. Hüsrev. Türkiye köy iktisadiyatı, Ankara. 1934.

⁶ S. Aksoy. Türkiye' de toprak meselesi, İstanbul. 1969.

⁷ М. Н. Тодорова. Европеизация Османской империи, «Народы Азии и Африки», № 2, 1977, стр. 209.

⁸ M. Sencer. Osmanlı toplum yapısı, s. 44.

⁹ T. Z. Tunaya. Türkiye' nin siyasi hayatında batılâşma hareketleri, İst. 1960.

¹⁰ E. Z. Karal. Tanzimattan evvel garplâşma hareketleri, „Tanzimat“. İstanbul. 1940.

Оценивая указанные процессы, автор книги «На какой стадии европеизации мы находимся?» Т. Мюмтаз отмечает, что главной целью реформаторского движения было внедрение «в основном западной цивилизации» и поэтому «были скопированы признанные образцом желаемой цивилизации законы, институты, обычаи, особенно, одежда, образ жизни некоторых народов»¹¹, конечно, народов буржуазной Европы.

С несколько особых позиций оценивает подражание и подчинение Западу И. Джем. В отмеченном труде он подчеркивает, что заимствованные европейские институты, пригодные для одних условий, оказались непригодными для других, турецких условий и вели к дискредитации самой идеи реформ, а Турцию довели до края гибели. Этому способствовало, в частности, предоставление иностранцам свободы торговли, введение законом гарантированного права частной собственности на землю. А беспрепятственная деятельность частного капитала и ряд подобных явлений привели к открытому грабежу и эксплуатации страны. Танзимат облегчил и усугубил этот процесс. «Европеизация, — пишет Джем, — усиливая существовавшее общественное и экономическое разложение, явилась одной из главных причин развала империи»¹².

Видимо, отсутствие материала, особенно статистики, является помехой для более глубокого социального анализа. Даже отдельные передовые мыслители объясняют провал экономических мероприятий и реформ младотурок воздействием внешних факторов.

Вполне понимая стремления турецких авторов как-то ответить на поставленный вопрос, мы не можем, однако, обойти субъективизм акцентирования многими из них роли внешнего фактора и игнорирование фактора вызревания элементов капитализма изнутри «османского общества».

Подобное отношение можно объяснить, как отмечено, тем, что некоторые турецкие социологи, историки, экономисты капитализм считают неестественным для Османской империи, не продуктом исторического развития, а лишь привнесенным извне европейским капитализмом, явлением. Последнее, по их мнению, не только не способствовало прогрессу, но было даже злом для империи и явилось причиной ее развала. Более того, ставится в вину западному капитализму то, что Турция не стала развитой индустриальной страной. Многие из перечисленных авторов — Д. Авджиоглу, И. Джем, М. Сенджер, К. Фишек и другие — считают, что для их родины был предназначен особый, не капиталистический путь развития. Это — попытка сделать заявку на наличие столь

¹¹ Dr. Turhan Mümtaz. *Garp'İllaşmanın neresindeyiz?* İstanbul. 1961, s. 13.

¹² I. Cem, указ. соч., стр. 218.

модного в наши дни своего «национального», или «демократического» социализма. Но подобная альтернатива для современной Турции не очень-то подготовлена социально-экономическими и политическими условиями развития и является лишь отражением настроений части прогрессивной интеллигенции, которая в Турции так же, как и во многих странах «третьего мира», отдает дань времени.

Как правило, большинство буржуазных авторов, идя на поводу политики правящих кругов Турции, умалчивает наиболее острые вопросы, обходит важнейшие проблемы социально-экономического развития империи, довольствуясь общими рассуждениями, особенно, если речь идет об участии нетурецких народов в этом процессе. Однако, сами же турецкие авторы отмечали, что младотурки, например, «будучи весьма консервативными в своих взглядах, практически не стремились к социальным реформам»¹³. А их предшественники и вовсе избегали ставить социальные вопросы. С другой стороны, еще К. Василевский, один из первых советских исследователей экономики Турции, заметил, что характерной чертой многих работ турецких авторов является «отрицание и замазывание национального вопроса в Турции» и стремление все выдать за «национальное», «турецкое» и т. д. и что эта тенденциозность «неблагоприятно отражается как на научности, так и на психологии читателя, знающего турецкую действительность...»¹⁴. В советской историографии последних десятилетий уделено серьезное внимание освещению обсуждаемой проблемы. Наряду с общими работами об особенностях социально-экономического развития Турции, имеются произведения, конкретно относящиеся к данному вопросу. Следует отметить, в частности, насыщенную фактическим материалом статью И. В. Алибекова «О причинах промышленной отсталости полуколоний Турция»¹⁵. В своей книге¹⁶ и в данной статье мы ставим проблему в более широком аспекте, с целью обстоятельнее и конкретнее исследовать исторические условия, объективные и субъективные факторы, тормозившие социально-экономическое развитие Османской империи.

В своем выступлении на V международном конгрессе экономической истории представительница Турции О. Коймен справедливо отметила: «С чисто экономической точки зрения перспективы развития хозяйства Османской империи были не хуже и не луч-

¹³ Feroz Ahmad. The Young Turks. The Committee of Union and Progress in Turkish politics 1908—1914. Oxford, 1969, p. 15.

¹⁴ Каземир В-ий. Турецкая экономика в описании самих турок, «Новый Восток», 1930, № 8, стр. 241.

¹⁵ См. Etudes Balkaniques, 1975, № 3, p. 77—97.

¹⁶ См. О. Г. Инджиян. Буржуазия Османской империи, Ереван, 1977.

ше, чем у тех государств, которые до 1830 и после 1870 гг. сумели их успешно реализовать»¹⁷. Однако благоприятные природно-географические условия, значительные естественные богатства не были в должной мере использованы для развития производительных сил страны как до ее превращения в полуколонию, так и, тем более, в условиях полуколонияльного существования.

Среди факторов, обусловивших экономическое отставание Османской империи, имеются объективно-исторические и субъективные.

Но прежде чем анализировать упомянутые факторы, необходимо отметить, что Турция в своем развитии прошла и проходит те же этапы, что и другие страны. Однако общая закономерность общественно-экономического прогресса проявлялась здесь несколько своеобразно и имела свои отличительные черты и особенности. Эти последние были результатом турецких феодальных порядков, проявлялись именно как особенности общественного и государственного строя Османской военно-феодальной империи. Основой организации последней служила государственная собственность на землю и существовавшая несколько веков военно-ленная система, при которой половина завоеванных земель отдавалась ленникам в качестве тимаров и зеаметов за военную службу, по одной пятой составляли хассы и вакуфы и одна десятая часть отводилась крепостным гарнизонам¹⁸. Подобное распределение удовлетворяло верхушку империи, пока ее основным занятием была война, пока этот источник доходов кормил и обогащал ее. Но уже в конце XVI столетия выгода от земли привела к концентрации ленов в руках не только военачальников, но и административных лиц, торговцев, ростовщиков и других богатеев. Гёмурджинский отмечает, что «до 992 (1584 г.) села и пахотные поля были в руках мужей сабли и сынов очага, а чужие и всякая сволочь не имели к ним доступа»¹⁹. С указанного времени началось разложение этой системы. Лео приводит связанные с этим явлением следующие данные, что если Анатолия ранее составляла до 70 тысяч конного войска, то после разбазаривания земельного фонда число это снизилось до 3—4 тысяч²⁰. Концентрация земли и богатств привели к усилению сепаратизма, с одной стороны, эксплуатации крестьян и их восстаниям — с другой.

¹⁷ О. Коймен. Империализм свободной торговли. Оттоманская империя. V международный конгресс экономической истории, Л., 10—14 августа 1970 г., «Наука», М., 1970, стр. 10.

¹⁸ См. А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар, М.-Л., 1947, стр. 29.

¹⁹ В. Д. Смирнов. Кочубей Гёмурджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции, СПб., 1873, стр. 121.

²⁰ *Şek'i Üstü, bir kibirli devletçilik, 3. cilt, 3, İstanbul, 1969, 39.*

Ослабление централизованного государства, а также отпадение завоеванных территорий было естественным результатом этих процессов.

Следует отметить, что государственная собственность на землю и характер землепользования не благоприятствовали развитию земледелия — главного источника доходов. Постоянные войны и походы, отсутствие рабочих рук делали земледелие малопродуктивным, мешали его прогрессу. Целые округа иногда отдавались в распоряжение мусульманского войска взамен жалования за службу. Сами ленники пользовались порою временными и ограниченными правами. В создавшихся условиях наиболее выгодной формой эксплуатации земельных наделов оказалась передача прежним возделывателям или просто в аренду крестьянам-райя. А воин-крестьянин из мусульман получал жалование, зерно для посевов, лошадь, оружие и по закону освобождался от налогов, чтобы быть под ружьем и поддержать военную мощь империи. В результате приходилось оставлять свое хозяйство на попечение стариков, женщин и детей.

Особую роль в отставании основной отрасли экономики имели формы землепользования, в частности издольная система и парцелярный характер сельского хозяйства. Отмечая, что крупные капиталистические хозяйства в конце XIX — начале XX вв. «группировались вокруг больших городов», Д. Арсланиан писал, что они были островками в море мелких хозяйств, «неблагоприятных для экономического развития»; что редко «крупное хозяйство» было целостной экономической единицей. Оно, как прежде, раздавалось мелкими участками различным арендаторам, поэтому сельское хозяйство представляло собой «конгломерат крестьянских дворов, которые стали преобладающей силой» и «огромным злом» для экономического развития Османской империи²¹. Английский путешественник Линч, побывавший в районах Малой Азии в 1890-х гг., писал, что землевладельцы обосновывали свое нежелание полностью обрабатывать имевшиеся земельные участки тем, что трудно вывозить сельскохозяйственные продукты, нет дорог, нет рынков²².

На его вопрос, почему крестьяне при наличии орошаемых участков земли живут так бедно, последние ответили, что «бесполезно работать, покуда крестьянину не позволено пользоваться плодами своих трудов»²³.

Настоящим бичом и социальным бедствием для народных масс была существовавшая веками налоговая система, точнее,

²¹ См. Арсланиан Дикран. Система сельского хозяйства в Османской империи, Л., 1932, стр. 33.

²² См. Х. Ф. Б. Линч. Армения, т. II, Тифлис, 1910, стр. 27.

²³ См. там же, стр. 184.

что давало возможность брать тот же налог второй и третий раз, или же, пользуясь неграмотностью налогоплательщика, сумму сбора указывали намного меньше, чем брали, а затем требовали платить еще раз. Размер налога определялся сборщиком совершенно произвольно. Но помимо этого, по утверждению ряда авторов, кроме ашара, остальные налоги взимались деньгами. У крестьян, как правило, не бывало денег, и они отдавали сельскохозяйственные продукты, цены на которые устанавливали сами сборщики. При отсутствии денег сборщики государственных налогов (тахсильдары) конфисковывали имущество, дом, землю, скот — одним словом все, что можно было превратить в деньги. Захваченное добро продавалось по ценам ниже его стоимости, и таким путем возмещались «недоимки» по налогам.

Одной из важнейших особенностей турецкого феодального строя была организация общества по-военному и для войны. Для ранних турок-османов война была тем, что Ф. Энгельс называл «функцией народной жизни»³⁰. Сложившиеся условия привели к созданию феодально-паразитического сословия, кормившегося главным образом за счет «процентов» от военной добычи, разбоя и ограбления оказавшегося в феодальной зависимости населения покоренных стран. Монополия турецкой верхушки в области административной деятельности гарантировала длительное существование сложившихся взаимоотношений, превращая их в традиции, которые сохранились даже при определенных социально-политических сдвигах.

По определению Ф. Энгельса, «правительства на Востоке всегда имели три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)»³¹. До определенного времени военное ведомство, осуществляя грабеж своей и чужих стран, служило укреплению империи, но начавшийся ее упадок и поражения турецкой военщины привели к тому, что армия стала серьезной обузой для страны. Военное ведомство из источника поступления превратилось в фактор, поглощающий более трети государственного бюджета, грабивший и разорявший империю. По данным генерал-майора Аверьянова, в начале XX века в Турции был 491 батальонный округ, из которых 322 округа, т. е. 66%, находилось в азиатской части Османской империи³². Таким образом, на каждые 6 тыс. кв. км территории приходился один батальонный округ регулярных войск. Помимо этого, на территории всех восьми армейских корпусов размещались редифные, нерегулярные войска,

³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

³¹ Там же, т. 28, стр. 221.

³² См. «Этнографический и политический сборник азиатских владений Оттоманской империи», СПб., 1912, стр. 5.

а в восточных районах еще и иррегулярная конница — гамидие. Чинимые военнотружущими произвол и разбой усугублялись тем, что денежное довольство армии оседало в штабах и в карманах командного состава, а кормить войска приходилось населению.

Другим общественным злом, непосредственно влияющим на экономическую жизнь страны, были отсутствие законов и порядка, самоуправство и продажность государственного аппарата и т. д.

В первую очередь следует указать на царивший в органах власти произвол. Чиновники, по выражению одного журналиста, представляющие «деспотов, вылитых из страха» (страх перед начальством и деспотизм по отношению к подчиненному и народу), также материально не обеспеченные государством, делали все для удовлетворения своих минимальных нужд, а в дальнейшем и для обогащения. Ими присваивалась значительная часть собранных налогов, которые обычно посылались в столицу лишь после неоднократных напоминаний и требований центра.

Злоупотребления происходили с ведома властей и официальных лиц различных рангов. Часто они сами участвовали в подобных делах, как правило, используя свое служебное положение для вымогательства. Беззаконие и произвол превратились в жизненное правило, особенно в период господства кровавого султана Абдул-Гамида II. Неимоверно вырос государственный аппарат и число сановников двора. Описавший этот тяжелый период истории Османской империи известный турецкий историк Осман Нури представляет общую картину в следующих словах: «Нация изнемогала в когтях деспотизма, от жестокости, несправедливости, зулума. В основе деятельности всех правительственных учреждений лежало казнокрадство, насилие и жестокость. И в армии среди офицеров и на других должностях право и справедливость достигались или взятками, или высоким покровительством»³³.

Так, например, намерения правительства развивать промышленность обуславливались не заботой о воспроизводстве, а целями наживы: «Стоило турку или турецкоподданному, — сообщает Голобородько, — открыть какое-нибудь предприятие, как все... принимались тянуть с него одну подачку за другой». Но еще сложнее было добиться разрешения открыть такое предприятие. Одна турецкая компания «в течение 10 лет не могла добиться разрешения на эксплуатацию нефтеносных земель в Ванском санджаке...»³⁴. Османские власти, однако, охотно за определенную мзду отдавали концессии иностранцам, а иногда «одаривали» ими феодалов. Так, из архивных документов известно, что рудоносные

³³ Osman Nuri. Abdül Hamid sanı ve devri saltanatı, birinci baskı, İstanbul, 1911, s. 1126.

³⁴ И. И. Голобородько. Турция, М., 1912, стр. 146.

земли Кебан-Мадена и Аграна-Мадена были отданы феодалам, в результате чего к концу XIX в. турецкая металлургия теряла 32% на серебре, 12% на меди и 40% на свинце, и поскольку в Малой Азии добывалось около двух млн. кг разных металлов, то общая потеря равнялась ежегодно около 400 тыс. кг металлов³⁵. Подобные примеры наблюдались во всех отраслях хозяйства страны. Всюду тормозилось развитие производительных сил и именно сверху. «Нынешний упадок в национальной турецкой промышленности,—писал А. П. Чихачев,—объясняется отнюдь не неспособностью населения, а, скорее, преступным нерадением правительства, которое не сумело стимулировать труд в промышленности или хотя бы устранить препятствия, затруднявшие ее развитие»³⁶.

Отметим еще одну особенность развития экономики Османской империи. Наталкиваясь на «заботу» властей и конкуренцию промышленных товаров европейского производства и не имея нормальных условий для развития в торговле, капитал обращался в сельское хозяйство, несмотря на то, что в результате низкой производительности труда капитал в земледелии давал, по свидетельству источников, всего до 4% дохода, в то время как прибыль в других отраслях достигала 10%³⁷. Помещение капитала в сельское хозяйство было правилом особенно для разбогатевших мусульманских чиновников и дельцов, стремящихся сохранить феодальные порядки. По свидетельству И. Флеровского, в Турции существовали «прямые запрещения султана организовывать турками финансовые предприятия, особенно в коллективно-акционерной форме»³⁸.

Таким образом, рассматривая «свой» народ как орудие захватнических планов и эксплуатации покоренных народов, османские власти пытались удержать его от производительной деятельности, чему способствовали объективные условия. Как отмечал К. Ататюрк, ремесло и торговля в османское время рассматривались как занятия, нежелательные для турок и мусульман вообще³⁹. Однако в орбиту капиталистических отношений постепенно были вовлечены также мусульманские народы. «Турция столь же мало, как и остальной мир, остается неподвижной», указывал К. Маркс⁴⁰. В стране шел процесс медленного, болезненного вызревания элементов капитализма в сельском хозяйстве, торговле, ремесленном

³⁵ См. ЦГАВМФ, ф. 898, оп. 1, д. 6, лл. 47—48.

³⁶ А. П. Чихачев. Великие державы и восточный вопрос, стр. 104.

³⁷ *Տոր. Ն. Տաղապաշտեան, Երկրագործութիւն, անտառայ և հանքայ զարգացումն ու շահագործումն, Կ. Պոլիս, 1909, էջ 13:*

³⁸ См. «Современник», кн. 3, 1915, стр. 191.

³⁹ См. К. Ататюрк. Избранные произведения и речи, М., 1966, стр. 269.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 4.

и промышленном производстве. Долгим был период первоначального накопления капитала в Османской империи. Эта особенность развития экономики империи, помимо указанных, объясняется целым рядом других обстоятельств. В многоукладной и различной по уровню развития своих районов стране неравномерность развития была и осталась одной из самых характерных черт ее экономической жизни. Еще в позднем средневековье в европейской части империи, ее приморских районах, а в прошлом столетии и других крупных административных и политических центрах значительно возросли капиталистические отношения, которые стали постепенно влиять на хозяйство также внутренних районов Турции. В то же самое время, вплоть до первой мировой войны, в некоторых арабских провинциях, в Курдистане и в других местах продолжали господствовать патриархально-общинные и феодальные порядки. Но неизбежный процесс появления и укрепления ростков капиталистического общества, даже среди верхушки государства, находил своих сторонников и покровителей. Их деятельность стала заметной уже в реформаторском движении XVIII и начала XIX веков.

В своем фундаментальном исследовании А. Ф. Миллер отметил следующее своеобразие: в начальный период реформы в Турции не являлись следствием прогресса страны и народа, как это имело место в других странах. «В Турции же главной, если не единственной, причиной реформ было стремление небольшой просвещенной группы правящего класса спасти этими реформами империю от надвигающейся гибели»⁴¹.

Подобную же цель преследовали реформы периода танзимата. Но в Гюльханейском Хатт-и-шерифе и в Хатт-и-Хумаюне учитывались и конкретные внутренние и внешние условия империи, и это отражалось в них. В целом ничего не меняя в социально-политических отношениях, они определенно отражали стремление к упорядочению деятельности местной администрации и всего государственного аппарата. Одновременно реформы, сколь бы незначительными они ни были, безусловно, должны быть оценены как уступки государственной власти турецких феодалов буржуазному прогрессу страны, и, в частности, более развитым христианским народам империи. И. В. Алибеков несколько переоценивает танзимат, отмечая другие оттенки в реформах, которые, якобы, представляли «собой попытку расчистить реформистский путь для капиталистической эволюции Турции», и которые вместе с тем «не нашли надлежащую социальную опору в лице оформившейся национальной буржуазии, заинтересованной в решительном устранении тех основных преград, которые стесняли свободное эконо-

⁴¹ А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар, стр. 73.

мическое развитие страны»⁴². Но, во-первых, не существовало тогда в природе этой национальной (турецкой) буржуазии. Во-вторых, после своего появления, в обозреваемый период истории Османской империи, она никогда решительно не выступала против феодализма и его пережитков в экономике страны.

Общеизвестно, что в течение веков христианская буржуазия и мелкобуржуазные элементы городов Османской империи играли в ее экономике ведущую роль. Развитие основных отраслей производства, ремесел и торговли в значительной мере было связано с их деятельностью. Мнение подавляющего большинства авторов сходится на том, что «ремеслами и торговлей — именно теми отраслями экономики, где скорее всего мог вызреть капиталистический уклад, занимались преимущественно не турки и даже не мусульмане»⁴³.

Инонациональная буржуазия, как известно, была сконцентрирована главным образом в крупных центрах, приморских городах, особенно в столице. Посредническая торговля с зарубежными странами находилась в ее руках. В ее рядах сформировалась основная часть так называемой компрадорской буржуазии. Но, как правило, большая часть инонациональной буржуазии посредством торгового капитала связывалась с производством, занималась промышленной деятельностью или же расширяла свои дела на основе капиталистического предпринимательства. Это было обусловлено как сравнительно высоким уровнем социально-экономического развития народа, который она представляла, так и наличием определенных контактов с городами, местными рынками. Характер такой деятельности инонациональной буржуазии и мелкобуржуазных элементов поставил их в оппозицию против османских феодальных порядков, сделал их сторонником реформ и преобразований. Одновременно, преодолевая возникшие трудности, буржуазия христианских народов, как наиболее активный элемент формирующегося капиталистического общества, продолжала расширять свое влияние в определенных сферах экономической жизни империи. Самая значительная ее группа — греческая буржуазия — концентрировала в своих руках торговлю столицы, приморских городов и даже крупных коммерческих центров Анатолии. Она производила более 40% финансовых операций и вела основную часть торговли с западными странами. Преимущественно греческие купцы вели продажу пищевых продуктов, муки, сухофруктов и т. д. Им принадлежало почти 50% промышленных предприятий, производство ковров, шелка и мануфактуры. Почти все мельницы Западной Анатолии, половина лесопильных заводов, большинство литейных и железоделательных предприятий принадлежали греческим предпринима-

⁴² Etudes Balkaniques, 1975, N3, p. 81.

⁴³ Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, М., 1971, стр. 178.

телям. По данным «Миллет» (11. IX. 1970), греки занимали ведущее положение в руководстве ряда хозяйственных ведомств: треть членов Османской торговой палаты составляли греки, до балканских войн греческое большинство руководило делами торгово-промышленной палаты.

До последней четверти прошлого столетия, т. е. до освобождения Болгарии, значительную роль в экономике империи играла славянская буржуазия, а европейская часть империи была самым активным районом применения новых капиталистических форм организации производства.

Начиная с 60-х годов XIX в. на поприсе коммерции с греками стали конкурировать армянские купцы. Армянская буржуазия долгое время монопольно вела торговлю мануфактурой, скобяными товарами, металлическими изделиями, топливом, отдельными бакалейными товарами; она расширяла поле деятельности в области финансов, ювелирного дела и торговли драгоценностями. Ремесленное производство, особенно внутренних районов Анатолии, было сконцентрировано в руках армян.

Немалую роль играла еврейская буржуазия, державшая в своих руках значительную часть торговли, финансовых операций, кустарного промысла; она была серьезным конкурентом других групп буржуазии империи. На этом общем фоне роль в экономической жизни империи самой турецкой буржуазии была весьма скромной. Накануне первой мировой войны турецкие предприниматели и купцы, по данным официального ежегодника торговой палаты за 1912 г., контролировали около 15% торговых операций и 12% промышленного и ремесленного производства⁴⁴. Ссылаясь на другие официальные данные кануна первой мировой войны, Тевфик Чавдар представил следующую картину национальной принадлежности капитала и рабочей силы в 284 промышленных предприятиях страны, имевших пять и более рабочих⁴⁵:

Национальность	Капитал в %	Раб. сила в %
Турки	15	15
Греки	50	60
Армяне	20	15
Евреи	5	10
Иностранцы	10	—
Итого:	100.0	100.0

⁴⁴ *Annuaire Oriental, Commerce, Industrie Magistratur de L'Empire Ottoman*, 1912, Constantinople.

⁴⁵ *Tevfik Cavdar, Milli mücedele başlarken, sayılarla vaziyet ve manzara-ı umumiye, Milliyet*, 21. IX. 1970.

Становление буржуазии в самостоятельный класс, в силу, направлявшую экономику и политику страны, обычно совпадает с процессами формирования той или иной нации. В Османской империи греки, армяне, почти все народы Балканского полуострова во второй половине прошлого столетия переживали процесс формирования наций во главе со своей буржуазией. Турки и другие мусульманские народы переживали канун становления буржуазных отношений. Конечно, взаимовлияние было неизбежно, и оно имело место. Оно ускорило разложение турецкого феодализма и развитие капитализма.

Против этого и вели борьбу правительственные верхи империи.

Тормоза хозяйственное и общественно-экономическое развитие «своего» народа, османские власти препятствовали развитию и других, покоренных народов. Объясняется это не какими-либо субъективными моментами, а самой природой османской монархии. «Турецкое, как и всякое другое восточное господство,—указывал Ф. Энгельс,—несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»⁴⁶. Такое положение наблюдалось в течение ряда веков во всех сферах хозяйственно-экономической жизни империи.

Серьезным тормозящим прогресс фактором оказались в османском государстве ислам и национальная политика его правящих верхов. Мусульманская религия и шарият разделяли «османское» общество на верующих и неверующих. Первым давались все права, вторые были юридически неравноправными, а чаще всего бесправными. «Турок,—писал К. Маркс,—какое бы социальное положение он ни занимал, ...принадлежит к привилегированной религии и национальности, он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин обязан при встрече уступить дорогу мусульманину, принадлежащему к низшему слою общества»⁴⁷. Гражданская политика военно-феодального теократического государства,—писал М. Макколь,—«зиждется на религиозных догматах», запрещавших ставить немусульманские народы «в одинаковое положение с мусульманами», потому что нарушение этого принципа означало бы «нарушение основного правила символа веры ислама»⁴⁸. Это обстоятельство ограничивало даже права монарха. Французский историк-востоковед Поль Жантисон совершенно справедливо определяет данное явление как «крупный

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 33.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 6.

⁴⁸ М. Макколь. Султан и державы, СПб., 1897, стр. 156.

недостаток мусульманского права», которое вместо того, чтобы «объединить все социальные слои населения в государстве, проводило линию разграничения между верующими и неверующими». Последние «никогда не могут стать гражданами в полном смысле этого слова. Они останутся рабами (ilotes)»⁴⁹.

К. Маркс указывал на несбыточность, в тех исторических условиях, идеи равенства мусульманских и немусульманских народов империи. «Турецкое государство, — писал он, — как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона». В этих условиях требование равенства всех перед законом «означало бы на деле — заменить коран новым гражданским кодексом, другими словами означало бы разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей»⁵⁰.

Даже наиболее передовые представители турецкого общества не были в состоянии выйти из рамок этого порядка, преодолеть национальный и религиозный барьер. Один из радикально мыслящих руководителей «младоосманов» — Али Суави и его газета «Мухбир», выступая за модернизацию просвещения и культуры, в то же время призывали «строго придерживаться догматов ислама и старых традиций в общественной жизни и в быту»⁵¹. Все предполагаемые реформы для Турции он обосновывал «исходя из истории ислама, со ссылками на догматы Корана и шариа»⁵².

Существенное значение в судьбах империи имела также национальная политика правящих кругов Османского государства.

Как известно, она выражалась в постоянном притеснении турецких народов, притом национальный гнет усиливался вместе с развитием производительных сил и экономики страны. Эта особенность, своеобразие турецкого режима объясняется тем, что, по выражению Энгельса, носителем «процесса цивилизации» были «не турки, а представители других национальностей»⁵³. В усилении последних господствовавшие верхи видели угрозу существованию турецкого государства и поэтому, используя свою «монополию на гражданские и военные должности»⁵⁴, пытались в рамках

⁴⁹ Paul Gentizon, Mustapha Kemal ou L'Orient en marche, Paris, 1929, p. 203.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 130.

⁵¹ А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции, М., 1972, стр. 109.

⁵² А. Д. Желтяков. Из истории турецкой журналистики (газета Али Суави «Мухбир»), «Народы Азии и Африки», № 3, 1972, стр. 136.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 25.

⁵⁴ Там же.

своих возможностей давить и душить всякое проявление самостоятельности в политике и экономике нетурецких народов.

Турецкие реформаторы видели путь прогресса и развития, с одной стороны, в перенятии европейских форм управления, в «европеизации» страны, а с другой — в укреплении феодального многонационального государства посредством насильственной ассимиляции нетурецких народов, в их «османизации».

Подобные стремления были преобладающими в политике феодально-бюрократических кругов Турции в течение многих десятилетий. Но и в наши дни издаются книги, подобные журналистским упражнениям сенатора Сади Кочаша. Восхваляя гуманность и терпимость — эти «великие качества» турок и их государственных деятелей — по отношению к другим народам, автор не скупился на обобщения: «Если бы это было не так, — пишет он, — то разве в Средней и Восточной Европе, на Балканах, во всей Анатолии, на Кавказе, в Иране, в арабских странах и, наконец, в Северной Африке осталась бы на сегодняшний день хоть одна нация, кроме турок, хоть одна вера, кроме ислама»⁵⁵.

Вряд ли стоит комментировать этот характерный для турецкого националиста образец мышления.

Не вдаваясь в дальнейший анализ национальной политики, следует отметить, что ее задачи почти одинаково, с незначительными вариациями, трактовались как реакционными, так и многими прогрессивными деятелями Турции. Это обстоятельство в определенной мере объясняет тормозящее влияние политики господствующих кругов на экономическое развитие страны.

В. И. Ленин отметил, что «подавление национальностей» есть один из «могучих остатков средневековья, страшно задерживающий общественное развитие и рост пролетариата»⁵⁶.

Анализируя события младотурецкого движения, один из соратников В. И. Ленина Б. М. Кнунянц писал, что «самые серьезные противоречия в общественной жизни Турции вызывались до сих пор национальными трениями»⁵⁷. Их причины кроются не просто в конкуренции различных групп буржуазии на одном рынке, а именно в разности уровня развития турецкой и инациональной буржуазии Османской империи. Конечно, славянская, греческая, армянская и еврейская национальная буржуазия была таким же эксплуататорским классом, как и турецкая. Но первая была менее связана с феодальными слоями общества и больше страдала от феодальных порядков; в силу этого она была более оппозиционной и менее консервативной, чем буржуазия мусульманская, в

⁵⁵ Sadi Koçaş, Tarih boyunca Ermeniler ve Türk-Ermeni ilişkileri, ikinci baskı, Ankara 1937, s. 64.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 155.

⁵⁷ Б. К. К событиям в Турции, газ. «Бакинские вести», № 1, 4. V. 1909 г.

том числе — турецкая. Уже одно это обстоятельство не могло не породить недоверия между инонациональной и турецкой буржуазией. Поэтому, несмотря на факты совместных действий национально различных отрядов буржуазии империи и попытки союза в борьбе против деспотического режима, каждый из этих отрядов имел свои собственные цели. Интересы же отдельных групп инонациональной буржуазии имели то общее, что были одинаково направлены против османской бюрократии и шовинизма турецкой буржуазии.

В турецкой историографии, по установившейся традиции национальный вопрос не рассматривается. Молчанием обходится участие инонациональной буржуазии в экономическом развитии Османской империи. Более того, в литературе бытует мнение, что инонациональная буржуазия якобы не была заинтересована в развитии экономики и культуры страны, выступала лишь как представительница интересов иностранного капитала и даже империалистических держав. Общеизвестно, однако, что подобную роль выполняла в основном **компрадорская буржуазия**, ряды которой на рубеже XIX и XX вв., наряду с греками, славянами, армянами, евреями стали пополнять также представители турецкой буржуазии и чиновничье-бюрократической верхушки. Что же касается **национальной славянской, греческой, армянской**, а в дальнейшем также арабской буржуазии, то она, а вместе с нею и мелкобуржуазные слои этих народов, крайне страдали как от феодальных порядков и царившего произвола, так и от усиления разорительного влияния иностранного капитала на экономическую жизнь страны. Ведь будучи коренными народами, они рассматривали многонациональную Османскую империю как **свою Родину** и были прямо заинтересованы в установлении в ней демократических порядков и буржуазных свобод, ликвидации насилия и варварских форм эксплуатации, в свободном развитии капиталистических отношений. И если наблюдались утечка из страны капитала отдельных представителей инонациональной буржуазии или принятия ими иностранного подданства, а также отъезд отдельных групп ремесленников и рабочих, торговцев и интеллигенции в другие страны, то это следует оценить, в первую очередь, как защитную реакцию на царящие порядки, на государственную политику Османской державы.

Анализируя обстановку изучаемого периода в Турции, Р. Люксембург подчеркивала возникновение «естественного стремления различных национальностей вырваться из целого и инстинктивно искать путь к более высокому уровню социального развития в независимом существовании»⁵⁸. Идеи национального движения, борьба за возможность самостоятельного развития без турецкой тира-

⁵⁸ Sächsische Arbeiter Zeitung, 9. X. 1896, No 235.

нии и произвола в условиях развития капиталистических отношений становятся велением времени и потребностью экономического, политического и культурного роста угнетенных народов Османской империи. Отмечая объективный характер указанного явления, В. И. Ленин рассматривал греко-турецкие войны и «армянские волнения» как «буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества...»⁵⁹

В литературе подвластных империи народов широко освещается отрицательная роль существующего режима. Товарищ Тодор Живков назвал период османского господства «веками страшного национального рабства», избавление от которого стало знаменем борьбы болгарского народа»⁶⁰. Один из участников этой борьбы русский революционер С. М. Степняк-Кравчинский в письме П. Л. Лаврову отмечал: «Никакой социализм немислим в славянских землях до освобождения от турок». Власть турок такова, что невозможно «ни о чем думать, кроме ее уничтожения»⁶¹.

Оценку значения побед балканских народов против турецкого ига, накануне первой мировой войны, В. И. Ленин обобщил в следующих словах: «Таким образом, победы сербов и болгар означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее свободного класса крестьян-земледельцев, означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями»⁶². А эти отношения, как указано выше, своим острием были направлены против христианских народов. К примеру, турецкое правительство стремилось уменьшить землевладение болгар, сербов, греков, армян, евреев и представителей других вероисповеданий. А. М. Колюбакин отмечает, что в районах Западной Армении и Курдистана, христиане, особенно после Восточной войны 1877—1878 гг., постепенно лишались своих земельных наделов и собственности. Расчеты показывают, что здесь земли у мусульман в среднем было в 6 с половиной раз больше, чем у христиан. Мусульмане, жители деревень, «имеют пахотных земель в 10 раз больше, чем армяне; а с присоединением к каждой из этих групп крупных собственников соответствующих народностей, отношения эти еще в большей степени изменяются в пользу мусульманских элементов»⁶³.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 144.

⁶⁰ См. «Правда», 20.10.1973 г.

⁶¹ См. сб. документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. 1, М., 1961, стр. 94.

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 187.

⁶³ А. М. Колюбакин. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции, т. 1, ч. 1, Тифлис, 1888, стр. 380.

Условия для земледельца-немусульманина ухудшились еще и тем, что местные власти в распределении земель практиковали своеобразную чересполосицу, вклинивая их участки между землями мусульман⁶⁴. Не лучше было положение христианского населения городов. Как отмечает проф. Эм. Диллон, «в Эрзеруме, где существует 8000 магометанских домохозяйств, мусульмане платят 395 тысяч пиастров налогов, между тем как христиане, которых по числу домохозяйств насчитывается только 2000, вносят 430 тысяч пиастров»⁶⁵.

По шариату, высокопоставленное лицо или путешественник-мусульманин имели право по пути следования требовать от христиан на трое суток бесплатный ночлег, еду для себя и сопровождающих и корм для скота. Это право стало сплошным адом для населения. Приезжали «в гости» не только должностные лица, но и феодалы, «свои» беки и шейхи, духовные лица, военные и политические чины. Вместо трех дней они обычно оставались неделю и более. Приезжали большими группами. Ели, пили, насильничали, затем угоняли скот, крали добро, уводили женщин и девушек. Чтобы избавиться от этого зла, крестьяне старались немедленно удовлетворить требования и выпроводить незваных гостей восвояси. Иначе было неминуемо буквальное разорение.

Учитывая все эти обстоятельства, К. Маркс отмечал, что в изучаемый период Турция была «серьезной препядой для европейского прогресса»⁶⁶, а В. И. Ленин писал, что она переживала «долгое и мучительное падение и разложение, мучительное, в особенности, для всех трудящихся и эксплуатируемых масс народа»⁶⁷.

Отрицательным влиянием османского государства и общественного строя на формировавшуюся турецкую национальную буржуазию обусловлены ее слабость и аморфность, ее неспособность и непоследовательность в борьбе за утверждение капиталистических отношений. Это, как отмечено, объясняется тем, что основным источником, который длительное время и постоянно пополнял ряды турецкой буржуазии, был феодальный класс — землевладельцы и скотоводы, военнослужащие и чиновники феодального государства — и менее всего слои, связанные с промышленным производством. В результате очень долго турецкий буржуа не терял связи с феодальной собственностью. Основная масса ка-

⁶⁴ Վահան Համբարձումյան, *Գյուղատնտեսությունը*, Париж, 1927, стр. 18. См. также ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 77, д. 5876, лл. 311—312.

⁶⁵ Проф. Эм. Диллон. Положение дел в Турецкой Армении, сб. «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г.», второе издание, М., 1896, стр. 339.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 239.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 313.

питалов, принадлежащая растущей турецкой буржуазии, концентрировалась в сельском хозяйстве. Согласно наблюдениям Д. Авджи-оглу многие малые и большие чиновники, представители мелкой феодальной знати стали крупными землевладельцами или капиталистами и приобрели состояние главным образом путем насилия, часто используя свое общественное и служебное положение⁶⁸. Еженедельник «Еркири дэин» свидетельствует, что особо широкий размах приобрело присвоение чужого имущества в дни организуемых властями погромов христианского населения⁶⁹. Так, в одном из номеров приводятся имена четырех эрзерумских турок, которые в дни погромов 1895—1896 гг. стали обладателями огромных богатств, «накопленных» на скупке за бесценок разграбленного имущества и на открытом мародерстве⁷⁰.

Экономическая политика турецкой буржуазии характеризовалась консервативностью по отношению к феодальным институтам, была весьма расплывчатой и неопределенной по всем вопросам хозяйственного развития, а в своем внешнеполитическом аспекте — прозападнической. Естественно, с ростом экономики несколько усилились темпы развития национально различных групп «османской» буржуазии и капиталистических отношений. После младотурецкой революции впервые в истории турецкой буржуазии была предоставлена реальная возможность влиять на экономическую политику правительства и вообще хозяйственную жизнь страны. Но при этом инациональная буржуазия продолжала играть ведущую роль, что привело к дальнейшему обострению противоречий и усилению конкурентной борьбы. Поэтому дальнейшее ее развитие было насильственно прервано, значительная ее часть была физически уничтожена или ограблена и прекратила свое существование как историческая категория, фактор развития.

Конечно, младотурецкие правители Османской империи пытались содействовать развитию экономики. Начиная с 1909 г. они приняли несколько законов о поощрении промышленности, таких, как: предоставление бесплатных участков под фабрики и заводы, освобождение предпринимателей от обложения налогами на 15 лет, разрешение на ввоз иностранного оборудования на тот же срок без пошлин и т. д. Все это, однако, осталось на бумаге, а вскоре война помешала их осуществлению. Что же касается сути самих законов, то в них речь шла о развитии промышленности не вообще, а именно предприятий, принадлежащих турецким предпринимателям, порою за счет интересов инациональной буржу-

⁶⁸ См. D. Avc'oglu, Türkiye'nin düzeni..., s. 121—123.

⁶⁹ «Еркири дэин», 1906, № 8, էջ 14.

⁷⁰ Там же, № 6, стр. 12.

азии, ее ограничения, а в дальнейшем и «экспроприации». При этом особые льготы предполагалось предоставлять предпринимателям с основным капиталом не менее 2000 лир и 25 рабочими, с условием, что «владельцы заводов, равно как и рабочие, за исключением одного или двух инструкторов, должны быть турецкой национальности»⁷¹. Вследствие подобной политики турецкого правительства стране был нанесен весьма чувствительный экономический ущерб, который отразился на дальнейшем социально-экономическом и политическом развитии самой Турции.

Итак, на протяжении веков главными причинами экономической отсталости Османской империи, до ее превращения в полуколонию империализма, были и остались внутренние факторы. Влияние иностранного капитала, военно-политическое и финансово-экономическое вмешательство держав усиливались постепенно, и лишь во второй половине XIX столетия они приобрели значение серьезного тормозящего фактора. Одновременно следует отметить некоторые особенности и своеобразие его форм и методов воздействия на экономику Османской империи.

Европейский капитал проник в страны Латинской Америки, Азии и Африки насильственным путем, прибегая к оружию и грубой силе. Даже полуколониальный Китай был открыт для Европы опиумными войнами. Несколько другим способом он оказался в числе основных экономических факторов Османской империи. Господствующие круги империи всей своей политикой содействовали «мирному завоеванию» турецкого рынка иностранным капиталом. Еще в зените своего могущества османские султаны благоволили к европейским купцам, и уже в 1535 году был подписан первый капитуляционный договор. За ним последовали новые уступки, и временные льготы превратились в постоянные привилегии для иностранных держав и их подданных. Дело в том, что феодальная верхушка, во главе с султаном, почувствовала и вскоре убедилась, что внешняя торговля для них является дополнительным, солидным источником обогащения, поэтому никогда и нигде не оказывали серьезного сопротивления иностранной торговле, и по настоящему не думали о политике протекционизма в пользу местной промышленности и торговли. Подобная практика была обусловлена, во-первых, уровнем развития страны и тем, что влияние буржуазных кругов было ничтожным, поэтому государство не чувствовало необходимости в ее введении. Во-вторых, в социально-экономическом отношении наиболее развитые элементы «османского» общества были нетурки и немусульмане, и правительство не собиралось ограждать их интересы, а рассматривало их как податное сословие. В-третьих, прогрессивные государственные дея-

⁷¹ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1910, № 1, стр. 33.

тели XIX века в сближении с Западом видели единственный путь к прогрессу страны, а протекционизм не способствовал подобному сближению. Указанные обстоятельства, а также турецко-египетский конфликт, в котором Порты искала помощи извне, привели к заключению 16 августа 1838 г. англо-турецкого торгового договора, предоставившего Англии большие экономические привилегии в Османской империи. Вслед за тем были заключены аналогичные договоры с Францией и другими европейскими странами. Открытие турецкого рынка для европейских товаров и усиление влияния капиталистически развитых держав имели двойкий характер.

По условиям англо-турецкого торгового договора была отмечена государственная монополия на продукты сельского хозяйства. Она была страшным бедствием для крестьян, которые вынуждены были продавать государству продукты своего труда за цену, в несколько раз уступающую рыночным ценам. По определению Мольтке, принудительные закупки «не только подрывают основы благосостояния, но уничтожают источники, которыми оно питается»⁷². Отмена этой монополии, пишет А. Д. Новичев, «пошла на пользу развитию сельского хозяйства, способствовала росту товаро-денежных отношений и расширению торговли продуктами сельского хозяйства»⁷³.

Торговые привилегии, данные европейским купцам, постепенно открыли им доступ, наряду с европейской Турцией и приморской полосой, также в глубинные районы страны. Это губительно отразилось на местное производство и торговлю, которые стали хиреть в 40—50 гг. прошлого столетия.

Однако в громадной империи с районами в разной степени развития происходили весьма сложные процессы и однобокие определения лишь завуалировали бы их. Так, например, нам кажется не совсем правомерной формулировка: турецкая промышленность «с начала прошлого столетия стала постепенно падать, а в дальнейшем пришла в полный упадок и переживала сплошной кризис»⁷⁴. Здесь не учтены такие явления, как сохранение и развитие обслуживающих конкретные местные нужды производств, занимающих многих десятков тысяч кузнецов, жестянщиков, столбярков, плотников, подковщиков, шорников, гончаров, кожевников, пекарей, ткачей, ковровщиков, заготовителей и работников по обработке фруктов, плодов и овощей для внутреннего и внешнего рынков.

Армянские источники приводят факты, когда отдельные производители и ремесленники пытались создавать образцы товаров,

⁷² См. А. Д. Новичев. «История Турции», т. II, часть I, Л., 1968, стр. 367.

⁷³ Там же, стр. 265.

⁷⁴ Etudes Balkaniques, N3, 1975, P. 78.

сходные европейским образцам, входили в соревнование с западными предпринимателями и купцами. Конечно, часто это приводило к их разорению, но одновременно поднимало уровень производства. Поэтому не совсем точно отражает реальность бытующее мнение, что местное производство и торговля в этот период стали придатком иностранного капитала. Не имея поддержки государства, они держались кое-как. Другим результатом этого явления было то, что многие местные производства на самом деле становились «подсобными» для иностранных предпринимателей. Этот процесс в целом стал очень заметным начиная с 1850-60 гг. Усиление влияния европейского торгового капитала шло тем же путем. Вначале закупку производили местные торговцы, агенты или представители иностранных фирм. Но с конца прошлого столетия уже сами иностранцы стали закупать товары, полуфабрикаты или сырье, которые иной раз представляли собой часть или весь урожай, проданный на корню. Если в данной отрасли торговли было создано товарищество или общество, то система закупок и отправок обрабатывалась до мелочей и обеспечивалось его монопольным правом приобретать по своему усмотрению, либо весь урожай, либо его часть. «О ценах отныне не имели права сказать свое слово ни турок-производитель и ни турок-купец»⁷⁵.

Вскоре, однако, основным рычагом подчинения империи иностранному влиянию становятся финансы. В частности, после Крымской войны для Турции начинается полоса, когда дефицит становится постоянным спутником государственных финансов, а иностранные займы — одним из основных источников пополнения казны.

Еще 20 лет назад, писал П. А. Чихачев в 1858 году, Турция была «быть может, единственной страной, которая могла похвастаться полным отсутствием задолженности и наличием в обращении только звонкой монеты. Теперь же ее государственный долг достигает 600 млн. ф., т. е. колоссальной суммы, если сравнить ее не с абсолютными цифрами (как это делают обычно платные и неплатные адвокаты Турции) государственного долга других стран Европы, а с соотношением в них поступлений и долгов»⁷⁶. «Ничто так легко не приходит к человеку, как сознание делать долг», — гласит восточная пословица. За первым иностранным займом в 1854 г. последовали другие. «С появлением благоприятных условий для совершения иностранных займов, — писал подп. Чичагов, — увеличилось и легкомыслие к издержкам»⁷⁷. Продавая оптом и в розницу доходы империи землевладельцам, все садразамы и

⁷⁵ Nurdogan Taçalan, „Milliyet“, 12. IX. 1970.

⁷⁶ А. П. Чихачев, указ. произв., стр. 113.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 401, 1886, д. 10, л. 18.

особенно министры финансов имели первую и главную заботу — удовлетворить непомерные денежные нужды Илдыз-Киоска, затем думать о войске, государственном аппарате и других текущих расходах. Растущие финансовые операции, в особенности с зарубежными странами, привели к учреждению **Управления Османского долга**. Отныне был введен официальный иностранный контроль не только над финансами, но и над разными сборами и налогами, и вообще, над всей экономикой страны. Наряду с разветвленной сетью иностранных банков, разных других организаций, управление стало главной опорой империалистических держав по коллективной эксплуатации Османской империи. «Утратив контроль над собственными финансами, — пишет И. В. Алибеков, — Турция надолго затормозила развитие производительных сил страны»⁷⁸.

За первые 7—8 лет своего существования Управление создало огромный аппарат «почти исключительно из турецких подданных — мусульман. На 4527 служащих приходилось 4172 мусульман, 316 христиан турецко-поданных, и лишь 39 — европейцев»⁷⁹. Несколько позже число работников превысило пять тысяч, затем восемь тысяч, и при всех случаях девять десятых штата заполняли местные служащие, в подавляющем большинстве — мусульмане. Необходимость такого подбора чиновников будет понятна, если мы вспомним, что почти в каждом вилайете управление имело свои агентства, в подчинении которых находились 728 отделений и агентур в санджаках, казах и т. д.⁸⁰ Администрация государственного долга руками своих местных чиновников проникала во все поры общества, обирала народы империи в течение многих десятилетий, и накануне первой мировой войны в ее распоряжение поступало «не менее одной трети всех доходов Турции»⁸¹.

Таким образом, превращение Турции в полуколонию усугубляло тяжелое положение страны. Создался союз двух реакционных сил — военно-феодального государства с империалистическими державами, препятствовавший экономическому развитию империи. Сложившимися условиями успешно воспользовались господствующие классы страны. Как правильно отметил Х. Ф. Тёкин, «появились классы, которые имели постоянные выгоды от финансового голода, от полуколонического положения Османской империи. Они видели свои выгоды в сохранении абдулгамидовского ре-

⁷⁸ *Études Balkaniques*, № 3, 1975, P. 88.

⁷⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 25, л. 112.

⁸⁰ См. Ս. Մարգարյան, Արևմտահայկական վիճակը 19-րդ դարի վերջերին, Երևան, 1968, էջ 39.

⁸¹ Раздел Азиатской Турции. По секретным документам бывш. МИД под ред. Е. А. Адамова, М., 1924, стр. 9.

жима»⁸². Младотурки усугубляли полуколониальное положение страны, проявив еще большую неумеренность в иностранной помощи, особенно в заключении новых займов, чем их предшественники. Они значительно облегчили процедуру получения займов. Раньше полагалось международные финансовые операции производить при наличии трех подписей: садразама, министра финансов и представителя управления государственного долга. Теперь они добились предоставления права единоличного их заключения министром финансов. Султанскому правительству отныне давали займы и государства, и иностранные концессионные организации⁸³. И если Абдул-Гамид за 30 лет своего царствования увеличил долг на 13,8 млн. лир, то младотурецкое правительство только за два года получило и израсходовало 13 млн. лир⁸⁴.

Младотурецкие деятели свою внешнеполитическую линию оправдывали тем, что они якобы руководствовались лишь высокими интересами Родины. Так, Талаат-паша писал в своих мемуарах: «Мы все были уверены, что ради сохранения целостности страны, союз Турции с подобной европейской державой (т. е. Германией—О. И.) был необходимостью, и Турция могла бы обеспечить развитие науки, ремёсел, промышленности и торговли, а также сохранить территориальную целостность только с помощью державы, имевшей такой высокий уровень развития»⁸⁵. Правильную оценку этой политики дал проф. А. Ф. Миллер: «Младотурки видели свою задачу не в том, — писал он, — чтобы бороться за национальную независимость страны, а в том, чтобы выбрать одну из империалистических группировок, под «покровительство» которой было бы наиболее выгодно, с их точки зрения, отдать всю Турцию целиком»⁸⁶.

Обобщив сказанное, можно прийти к следующим выводам: основные причины, определившие ход и темпы развития страны, классов буржуазного общества, крылись в общественно-экономическом и государственном строе Османской империи. «...Внутренние факторы были сами по себе довольно многочисленны и существенны, чтобы достаточно сильно препятствовать развитию турецкой промышленности, если бы даже отсутствовали факторы, воздействовавшие извне»⁸⁷. Государственная собственность на землю, являвшаяся источником могущества и военной силы феодаль-

⁸² F. N. Tökin, *Türkiye'de siyasal partiler ve siyasal düşüncenin gelişmesi*, İstanbul. 1965, s. 30.

⁸³ «*Ридзисһиһиһ*», 6/19.2.1909.

⁸⁴ ЦГАВМФ, ф. 898, оп. 1, д. 34, л. 17.

⁸⁵ Talât paşanın hatıraları, İstanbul, 1946, s. 23.

⁸⁶ «Всемирная история», т. VII, стр. 360.

⁸⁷ *Études Balkaniques*, № 3, 1975, p. 86.

ного государства, в позднее средневековье стала тормозящим фактором. Война и военные трофеи, будучи в свое время источником богатств, породили военно-бюрократическую касту, целый паразитический слой воинов-феодалов, которые после прекращения по-лосы войн оказались неприспособленными к новым условиям и за-нимались главным образом сбором налогов и административной деятельностью. Турецкая молодежь, обучаясь военному делу, как правило, не принимала участия в хозяйственной жизни страны. Заниматься торговлей, ремёслами считалось уделом покоренных народов. Эта картина характерна для всего периода существования империи, после крушения которой первый президент Турец-кой Республики вынужден был объявить подготовку националь-ных кадров ремесленников первейшей государственной задачей. Турецкое феодальное государство последовательно выполняло отмеченные Ф. Энгельсом функции войны и финансов, уделяя треть своего бюджета армии и военным мероприятиям, обирая крестьян и все население страны разорительной фискальной системой. Го-раздо меньше проявлялась его забота о воспроизводстве и раз-витии экономики. «Экономическое движение, — указывал Ф. Эн-гельс, — в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испы-тывать на себе также и обратное действие политического движе-ния, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влия-ние, с одной стороны, движение государственной власти, а с дру-гой — одновременно с нею порожденной оппозиции»⁸⁸. Энгельс счита-л, что «обратное действие политического движения» и, в частно-сти, государственной власти может быть как положительным, так и отрицательным, препятствующим экономическому движению. Именно таким было влияние Османского государства на экономи-ческое развитие империи и населявших ее народов.

2. Գ. ՌԵԶԻԿԱՆ

ՕՍՄԱՆՅԱՆ ԿԱՅՄՐՈՒԹՅԱՆ ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ՀԵՏԱՄԵԱՑՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋԸ

Ա մ փ ո փ ո մ

Արժարժվող խնդիրը վերջին տասնամյակում ուսումնասիրուիցյան առարկա է դարձել բազմալճգու մասնագետների, մասնավորապես թուրք տնտեսագետների, սոցիոլոգների ու պատմաբանների կողմից: Վերջին-ներիս ելակետը այն է, որ ֆեոդալիզմի քայքայումը և կապիտալիստա-

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 417.

կան հարաբերությունների զարգացումը Օսմանյան կայսրության մեջ ներքին պրոցեսների արդյունքը չէ, այլ արտաքին գործոնների և, հատկապես, Եվրոպայի ազդեցության: Բուրժուական թուրք հեղինակների մեծ մասը այդ ազդեցությունը համարում է Թուրքիայի համար բարենպաստ և երկրի տնտեսական հետամնացությունը բացատրում եվրոպական օրինակի ոչ հետևողական կիրառմամբ: Մյուսները, ընդհակառակը, գտնում են, որ արտաքին միջամտությունը խաթարեց կայսրության զարգացման նորմալ ընթացքը, դուրս բերեց նրան, այսպես կոչված, «ասիական արտադրանքայինակով» ընթանալու ուղիներից և դրեց, ի վերջո, կիսազաղութային վիճակի մեջ: Հիշյալ հեղինակների մեջ կան նաև այնպիսիները (Ի. Զեմ), որոնց կարծիքով «օսմանյան հասարակարգը» եղել է ամենաարդար և օրինակելի հասարակարգը, որի գոյության ճանապարհին չափազանց բացասական դեր է կատարել Եվրոպայի միջամտությունը և ռեֆորմներ կատարելու փորձերը, որոնք հանդիսացել են օսմանյան կայսրության քայքայման և անկման պատճառ:

Ուսումնասիրության նպատակն է ցույց տալ, որ շնայած պատմական զարգացման բոլոր յուրահատկություններին, Թուրքիան ընթացել և ընթանում է նույն ուղիով, ինչ ուղիով անցել են Եվրոպայի և Ասիայի մյուս երկրները: Օսմանյան պետական և հասարակական կարգի, տիրող ֆեոդալական սիստեմի, հողային հարաբերությունների, ազգային քաղաքականության և կրոնական անհանդուրժողականության ու միջադեպ պատմական, տնտեսական, կուլտուրական և այլ՝ ներքին տիրող հասարակարգին հատուկ գործոններն են, որ ունեցել են վճռական դեր երկրի տնտեսական ու ոոցիալ-քաղաքական զարգացման մեջ: Եվրոպայի երկրների և արտաքին կապիտալի ազդեցությունը մինչև Թուրքիայի կիսազաղութ դառնալը եղել է երկրորդական: